

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ

В 1935 году, впервые приехав в Грузию, я познакомился с Тицианом Табидзе. В первый же тбилисский вечер за круглым столом в доме Тициана на улице Грибоедова мы, москвичи, моя молодая жена Зоя и я, учились высоким традициям грузинской застольной беседы, и это было немалое дело. Соревнование в красноречии, в дружеском внимании друг к другу, возвышенные и находчивые тосты, строгая их последовательность — все это было своего рода платоновской академией для нас: тут и философия истории родной страны, и поэзия в прямом, профессиональном смысле слова, и поэзия как высокая настроенность души, и просто непритязательное острословие, — все было уместно, все служило праздничному общению людей, только что бывших совсем чужими, но искренне стремящихся сблизиться и нашедших для сближения такой простой и благородный способ.

В тот вечер Тициан был в ударе. Он произносил патетические тосты, легко и уверенно менял направление разговора, руководил им, как талантливый тамада, вспоминал стихи старых русских поэтов. Весь его грузинский патриотизм был направлен на то, чтобы дать почувствовать, в какую великолепную среду мы попали, показать нам дарования товарищей, их своеобразие, их широкий кругозор.

Он был очень хорош собой. Полный, в затрапезной парусиновой блузе, с ярким цветком в петлице, не то гвоздикой, не то осенней астрой, с челкой римского патриция, с правильным, мягким лицом, скорее славянского, нежели грузинского типа, с чуть охрипшим голосом и могучей грудной клеткой — такую яркую фигуру не часто встретишь на белом свете. Его хотелось писать маслом на холсте, крупно вылепить из глины — увековечить по возможности эти выразительные черты.

При дальнейших встречах он невольно оказался в положении какого-то «мэра города Тбилиси», — так содержательны и выпуклы были его комментарии и к башне Метехи, и к горе святого Давида с гробницей Грибоедова, и к картинам гениального самоучки Нико Пиросманишвили, и ко многому еще, им же самим найденному, облюбованному, распропагандированному. Рассказанное им могло стать стихами, поэмой, но он был щедр и патчами швырял эти не распечатанные в творчестве воспоминания и образы, радовался тому, что может поделиться с новыми людьми своим кровным богатством.

И вот наступил такой вечер, и мы сели с Тицианом в донотопный потрепанный «газик» и двинулись по Военно-Грузинской дороге. Тициан декламировал хриплым, с надсадой и переливами гортанным голосом. Он почти кричал в ночную мглу:

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною...

И действительно, синяя бархатная мгла окружала нас, а где-то внизу плескалась Арагва. Чтение Тициана было своеобразно и мощно. Русский ямб, тоника нашего стихосложения совершенно пропадали в его интерпретации, все это непомерно вытягивалось в его долгих и кратких слогах. Он читал Лермонтова, Блока, Тютчева и с какой-то особой задушевностью, как свой личный лейтмотив, повторял тютчевскую строфу:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

Водитель наш, смельчак Жора, вел машину лихо, не считаясь с подъемами, спусками, крутыми поворотами, маревом молочного тумана над Гудаури. Из-под фар машины выныривали зайцы и дикие кошки, а то и рыси и испуганно мчались впереди нас, загипнотизированные светом. Часа в четыре ночи мы остановились у подножия Казбека, против гостиницы, длинного и некрасивого двухэтажного строения, дышавшего девятнадцатым веком, перекладными лошадьми, дормезами и дилижансами. На

застекленной террасе был свет, две или три керосиновые «молнии» освещали лица сидящих за столом. Это были летчики и альпинисты. Недавно в горах разбился почтовый самолет, несколько дней продолжались поиски разбитой машины и погибшего экипажа. Как раз накануне были найдены искалеченные тела, и вот летчики и альпинисты справляли поминки по товарищам. Они братски разделили с нами свою печальную трапезу.

Много лет прошло с той поры. И такая встреча за ночным столом не однажды повторялась в нашей жизни, уже в суровой обстановке войны, на аэродромах дальнего действия, в метельные ночи сорок первого — сорок второго года. И теперь мне кажется, что тогда, в тридцать пятом году, сквозь стекла террасы на Казбеке в наши бессонные глаза смотрело наше будущее, пристально смотрели ждавшие нас беды и утраты.

Что же касается самого Тициана Табидзе, это было именно так: ведь не прошло и двух лет после той ночи у Казбека, и он навсегда ушел от нас; словно смелый летчик, разбившийся где-то в горах в непогодную туманную ночь...

В 1957 году в Москве и Тбилиси одновременно вышла книга стихов и поэм Тициана Табидзе. Он встал в ней во весь свой рост, как замечательный советский поэт-патриот, быстро созревший на протяжении одного десятилетия.

Это прежде всего поэт упоительный. Казалось бы, такой эпитет, сам по себе продиктованный восторгом, мало что может определить в поэте, но я на нем настаиваю. Поэзия Тициана Табидзе — это разливное море упоения жизнью, восторга перед раскрывающимися человеку картинами действительности. При этом видишь, что автор больше всего ценит в себе, настойчиво культивирует и воспитывает умение непосредственно откликаться на пережитое и виденное: чем непосредственнее, тем увереннее его мастерство. Все написанное Тицианом — песни, гимн, дифирамб, — иначе говоря, свободно выражающее себя сильное чувство:

Эти слова неожиданно выпелись, —
Песня не ждет оседания мути,
Чтобы, как оползень горный, осыпались
Чувства, огромные в первой минуте.

(Перевод П. Антокольского)

Вот автопризнание, характерное для Тициана! Отсюда его широкое дыхание, смело изменчивая интонация, не подчиняющая себя никакому заранее предугаданному логическому плану. Здесь все непредвиденно, все импровизация. В отлично написанном предисловии к тбилисской книге Табидзе его младший современник грузинский поэт Симон Чиковани говорит: «Неукротимые чувства распирали грудь поэта... они точно грозились разорвать его грудную клетку. Стихи светились внутренним ясным светом жизни, словно они вобрали в себя и подчинили себе все житейские волнения...» Это сказано без преувеличения.

Основная тема зрелых стихов Тициана — родина, исторические перемены на родной земле, связанные с ростом нового поколения советских людей, со строительством новой, социалистической Грузии, ее земледелия и индустрии. Прежде всего это относится к родным для поэта краям, к Западной Грузии, к долине Риона, к Колхиде. Совсем недавно, когда поэт рос здесь ребенком, его окружали гнилые болота, нищета, грязь и невежество крестьянской бедноты; здесь царил малярия, детская смертность была ужасающе велика. И вот советская явь тридцатых годов: на месте осушенных болот цитрусовые сады и виноградники; устье Риона превращается в порт; народ, распрямивший плечи, окидывает взглядом неоглядную даль счастливого будущего. Современная явь перекликается для Тициана и с другой неоглядной далью, с вековой древностью: в стихах его звучат отголоски греческих мифов о Язоне и аргонавтах, некогда искавших в Колхиде легендарное золотое руно. Лирический дар Тициана уверенно соединяет разнородные массы детских воспоминаний, родной истории, легенд, бытовых картин, социального предвидения в органический сплав, ему одному свойственный. В этом сила тициановских стихов. Прав поэтому Симон Чиковани, утверждая, что «в поэзии Тициана Табидзе, как в единой семье, живут орпирские колхозники, Мцыри Лермонтова, Григол Орбелиани, Гипократ, Широшани...».

Развитие Тициана как поэта было не простым и по своему типичным и знаменательным для того времени. Студент-филолог Московского университета, он в решающие годы возмужания был заражен всеми токами тогдашних поэтических направлений и пристрастий: среди них

были Блок, и Анненский, и французские символисты. И когда в годы первой мировой войны московский студент вернулся домой, в родной город Кутаиси, он нашел там среди близких ему, заряженных теми же токами сверстников; так возникла знаменитая группа грузинских поэтов-символистов «Голубые роги». Юные поэты смело раздвигали границы традиционного грузинского стиха, ломали формальные каноны классики, идущей от Ирана.

Сегодня для этого литературного движения давно уже наступило время исторической оценки. Пускай его эстетические черты осуждены самими участниками, выросшими из «Голубых рогов», как из детской одежды. Однако и детская одежда была по-своему прекрасна! Ранние стихи Тициана сохранили до наших дней аромат своего времени и обаяние юности. Это была юность очень одаренного человека. Вступая в жизнь, он чутко вслушивался и в песню ветра, и в рыдающие звуки родного чоигури, и в пророческий, заклинающий голос нашего Александра Блока. Ему были близки и родственны голоса далекой истории. Халдея, Иран, Греция проступают в тициановских стихах того времени в сказочных очертаниях и в то же время в характерных и ярких деталях, которые говорят о культуре, о начитанности автора, о пристальности художника, умеющего по детали угадать облик далекого столетия и чужого народа.

Вийон и Рембо, Гойя и Веласкес, Кармен и Саламбо, Летучий Голландец и Пьеро — все это загадочные друзья его ранних стихов, его гостеприимного и широко распахнутого мира.

Наконец, достойно быть отмеченным, что еще в самую ночь на 25 октября 1917 года грузинский юноша в Кутаиси отчетливо понимал и записал в своей тетради:

...ответ столетий несомненен,
Исход сраженья предрепшен.
Ночь запомнит только имя «Ленин»
И забудет прочее, как сон.

(Перевод Е. Пастернака)

В сборнике 1957 года Тициана Табидзе, наряду с его зрелыми, широко известными произведениями, помещены и ранние стихи. И в них угадывается источник, послуживший началом для большой и полноводной реки! Здесь был

первый перекресток пути, чистого, благородного и по-своему смелого. Диктовало эти стихи очень большое беспокойство и неоглядная преданность любимому искусству:

Будь что будет, но, жизнь молодая,
Я объезжу тебя и взнуздаю
И не дам потеряться во тьме.

(Перевод Е. Пастернака)

Этот приказ самому себе он, конечно, выполнил. И сейчас Тициан Табидзе недаром вспоминается нам особенно ярко и свежо. Он по праву современника входит в сегодняшнюю поэзию, поистине «как живой с живыми го-воря».

1957